

К Л Ю Ч

Эдуард Сероусов

повесть о катастрофе доверия

Эдуард Сероусов

Ключ

<https://litres.ru/74134487>

SelfPub; 2026

Аннотация

Майя Лернер двадцать лет предупреждала мир о приближении квантового компьютера, способного подделать криптографические подписи. Три года назад её программу закрыли как «слишком раннюю», а в её собственный брак с врачом Дэном вошла трещина: в ту ночь, когда десятилетней Нике поставили диабет, Майя «считала бюджет будущего» и не приехала. Обычным утром Майя получает идеально подписанный денежный перевод, которого не совершала. Это значит одно: где-то заработала машина, способная подделывать корни доверия. К полуночи город парализован. Подделать можно любое лицо, любой голос, любую подпись. И в больнице, где спит её дочь, инсулиновая помпа верит отравленным данным. Повесть о доверии, которое раздают из рук в руки.

Содержание

Часть 1. Зелёная галочка	4
Часть 2. Порог	17
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Эдуард Сероусов

Ключ

Часть 1. Зелёная галочка

Помпа подтвердила дозу зелёной галочкой, и Майя поверила ей, как верят воздуху.

Тонкий мелодичный звук — две восходящие ноты, придуманные, чтобы успокаивать родителей, — означал, что устройство на бедре её дочери сверилось с показанием сенсора, рассчитало болюс, подписало команду собственным сертификатом, проверило ответную подпись насоса и отмерило ровно столько единиц быстрого инсулина, сколько нужно на тарелку овсянки, стынувшую перед Никой. Зелёная галочка на экранчике помпы. Зелёная галочка на телефоне Майи. Зелёная галочка где-то в облаке, где медицинская карта Ники соглашалась сама с собой.

Никто в кухне не смотрел на эти галочки. В этом и был их смысл. Доверие, доведённое до того, что становится невидимым.

За окном просыпался город, где всё было на одном касании и всё — на одной подписи. Метро впускало людей, считав ладонь, и доверяло, что ладонь заверена. Дверь подъезда внизу открывалась тому, чей телефон шепнул ей пра-

вильную, подписанную фразу. Кофейня этажом ниже наливала, списывала, благодарила — три подписи в секунду, никем не замеченные. Светофоры, лифты, кардиостимуляторы, переливания крови, биржи на другом полушарии — весь живой, гудящий, гиперподключённый организм мегаполиса стоял на невидимом фундаменте: на математическом обещании, что вот эта команда пришла от того, от кого должна, а вот этот, кто говорит «это я», — действительно он. Обещание было таким старым и таким надёжным, что его перестали замечать, как перестают замечать пол под ногами. По полу ходят. О поле не думают. Майя думала о поле двадцать лет и оставалась единственным человеком в кухне, который знал, что под ним пустота.

— Сорок восемь и держится, — сказала Ника, не отрываясь от экрана, на котором сахар её собственной крови полз ровной зелёной линией. Ей было десять, и она читала график своего тела свободнее, чем мать читала чужие шифры. — Можно мне ещё ложку мёда. Не потому что низко. Потому что вкусно.

— Нельзя, потому что вкусно, — сказала Майя. — Можно, потому что я опаздываю и спорить дороже.

Она отхлебнула кофе из бумажного стакана, обжглась, переложила стакан в другую руку и большим пальцем — обкусанным до мяса по краю ногтя, старая привычка, которую она замечала только когда было поздно, — смахнула с телефона уведомление банка.

И остановилась.

Уведомление было обычным. Перевод на двести единиц, подтверждён, подписан, проведён три минуты назад. Зелёная галочка. Получатель — сервис доставки, которым она пользовалась сто раз. Всё было правильно, кроме одного: она не делала этого перевода.

Майя поставила стакан. Двадцать лет она зарабатывала тем, что отличала подлинное от поддельного, и за двадцать лет тело научилось узнавать неправильное раньше головы — холодком под рёбрами, до всякой мысли. Сейчас был холодок.

Она нажала на транзакцию, развернула детали, развернула то, что обычные люди не разворачивают никогда. Сертификат. Цепочка подписей. Корень.

Подпись была действительна.

Не «похожа на действительную». Не «подделана грубо». Цепочка сходилась идеально, от листа до корневого центра, математически безупречно, как сходится верное доказательство. Перевод, которого она не совершала, нёс на себе подпись, говорившую: это сделала Майя Лернер, и кто-то доверенный это проверил.

Подпись — это ведь не сама вещь, думала Майя, глядя на безупречную цепочку. Подпись — это обещание. Маленькое математическое обещание, что некто, кому ты доверяешь, проверил и поручился: да, это от неё, да, это правда. Ты не проверяешь сам — ты не можешь проверить всё на

свете, никто не может, мир слишком велик для одного человека. Ты доверяешь цепочке поручителей, и цепочка держится, пока держится её последнее звено — корень, тот, за кого не ручается уже никто, кому верят просто так, потому что иначе пришлось бы не верить ничему. И вот сейчас на её экране корень поручился за ложь. Звено, державшее всё, сказала неправду — спокойно, безупречно, с зелёной галочкой. Либо у кого-то в руках оказался ключ от корня. Либо корень научились подделывать. Второе было невозможно — невозможно ровно до тех пор, пока во всём мире существует только одна машина, способная это сделать. Машина, о которой Майя кричала три года и которую все вокруг договорились считать выдумкой испуганной женщины.

— Мам, — сказала Ника. — Ты делаешь лицо.

— Какое лицо.

— Лицо «сейчас все умрут», — сказала Ника без всякого страха, потому что это была семейная шутка, отполированная до гладкости. — Папа говорит, у тебя есть лицо «сейчас все умрут» и лицо «уже умерли». Это первое.

Майя достала из сумки блокнот — настоящий, бумажный, с механическим карандашом, заткнутым в пружину, — и записала время, сумму, серийный номер сертификата. Восемь цифр. Она не доверяла экрану хранить то, что экран, возможно, и подделывал.

Глупость, сказала она себе. Сбой синхронизации. Двойное списание, которое банк откатит к обеду. Бывает.

Бывает, согласилось тело. Холодок не ушёл.

— Доедай, — сказала Майя. — Папа ждёт.

Зелёный отсвет графика лежал на лице девочки, и помпа на её бедре, под наклейкой с нарисованным маяком, тихо считала дозу по данным, которым — Майя записала это в блокнот и сама не знала зачем — больше нельзя было верить.

Дэн открыл дверь раньше, чем она постучала, и это значило, что он стоял у окна и смотрел, как они паркуются. Раньше это значило бы, что он соскучился. Теперь это значило, что он хотел отдать ребёнка из рук в руки и закрыть дверь, не растягивая.

— Сахар? — спросил он вместо «здравствуй».

— Сорок шесть, чуть вниз, активный инсулин почти отработал, — отчиталась Майя тем же протоколом, которым они говорили теперь обо всём, что осталось общего. — Ела в семь. Помпа в норме.

— Привет, чудовище, — сказал Дэн дочери, и лицо его на секунду стало тем лицом, какое Майя помнила с роддома. Кольца на руке у него не было. Белая полоса на пальце была. Он тёр её большим пальцем, когда нервничал, и сейчас тёр.

Ника прошла мимо них в квартиру, бросив через плечо:

— У меня сорок четыре. Падает.

— Не падает, — сказал Дэн, глядя на свой телефон, где была та же зелёная линия. — Стабильно.

— Падает, — сказала Ника из коридора. — Я чувствую. У меня в ушах.

Они с Дэном посмотрели друг на друга. Двенадцать лет брака и три года развода умещались иногда в один такой взгляд: спор, кому верить — прибору или ребёнку, — был старше их развода, был, в каком-то смысле, его причиной.

— Проверь пальцем, — сказала Майя.

— Я знаю, — сказал Дэн без злости, и это было хуже злости. Он достал глюкометр, старый, отдельный, с ланцетом — то, чем пользуются, когда не доверяют сенсору. Капля крови. Полоска. Цифра.

Сорок одна.

Сенсор показывал сорок четыре и «стабильно». Тело показывало сорок одну и «вниз».

— Сок, — сказал Дэн, уже доставая из холодильника пакетик, и Ника взяла его привычной рукой, и они втроём, не сговариваясь, на автомате, начали то, что делали сотни раз.

— Считаем, — сказала Майя.

— Я знаю, мам. — Ника проткнула пакетик трубочкой и сделала первый глоток, и на выдохе, тихо, начала: — Раз...

— Сколько камней под маяком? — спросил Дэн. Это был не вопрос. Это была часть.

— Три, — сказала Ника. — Два...

— А кто их держит.

— Мы трое. По очереди. — Глоток, медленный, как их научили: пить не спеша, не глотать паникой, дать сахару дой-

ти. — Три...

Маяк горел в кухне, где не было окна на море и моря не было на тысячу километров вокруг. Он горел уже три года, с той ночи, о которой Майя старалась не думать и думала каждый день. В этом была вся его конструкция, весь его несложный механизм: воображаемый луч ходит по кругу, и каждый раз, возвращаясь к нему, требует число, сказанное на выдохе. Считать вслух — значит дышать ровно. Дышать ровно — значит не уплыть. А ещё это значит, что мать и отец слышат твой голос и знают по голосу, держишься ты или уже нет. Свет держал корабли от берега. Свет держал плохие числа снаружи. «А кто там, в маяке?» — спросила однажды семилетняя Ника, уплывая, и Дэн сказал: «Смотритель», а Ника сказала: «Нет. Мы. Все трое», — и так это и осталось, навсегда: три камня под маяком, три смотрителя по очереди. Об этом не было сказано больше никому. Ни одной живой душе, ни одной анкете, ни одному устройству. Это было единственное на свете, что знали только они трое и не знал никто другой во вселенной.

Они досчитали до десяти — вдвоём, втроём, голоса сошлись в один, — и сахар пошёл вверх, и Ника сказала: «Всё, отпустило», деловито, как механик, захлопывающий капот, и пошла бросать рюкзак в комнату, которая была её комнатой здесь, у папы.

Майя смотрела ей вслед и не знала, что слышит этот счёт вот так — между делом, у холодильника, когда хуже всего

то, что мама опаздывает, — в последний раз.

В наступившей тишине Майя и Дэн стояли в полуметре друг от друга и не знали, куда деть руки.

— Спасибо, что привезла, — сказал Дэн.

— У меня сегодня поздно, — сказала Майя. — Можешь её до завтра?

— У меня ночная. — Он потёр белую полосу. — Приёмный покой, с восьми. Соседка посидит, Ника спит у неё, я заберу утром после смены. Договорились на той неделе, ты в курсе.

— Я в курсе, — сказала Майя, хотя забыла. Она в последнее время забывала то, что касалось людей, и помнила восьмизначные числа.

— Майя. — Он смотрел на неё, и в этом взгляде было что-то, чего она не видела давно: не упрёк, а почти забота. — Ты опять делаешь это лицо. Что случилось.

Она чуть не сказала. Чуть не достала блокнот, чуть не показала ему восемь цифр и не объяснила, что подпись была действительна, что в этом весь ужас, что мир стоит на обещании, которое кто-то, кажется, начал нарушать. Но она видела, как меняется его лицо, когда она начинает так говорить. Видела это лицо весь последний год брака.

— Ничего, — сказала она. — Не выпалась.

— Конечно, — сказал Дэн, и закрыл за этим словом ту же дверь, что закрывал всегда. — Звони, если что. Я отвечаю между пациентами.

— Сколько камней под маяком, — сказала Майя вдруг, сама не зная зачем.

Дэн моргнул. Потом тень улыбки.

— Три, — сказал он. — Поезжай. Опоздаешь на свой конец света.

Дверь закрылась. Майя стояла на площадке и слушала, как с той стороны Ника что-то говорит соседке, и голос дочери был живой, и сахар её был в норме, и всё было хорошо, и холодок под рёбрами не уходил.

Контора, где Майя теперь работала, называлась гордо и занимала пол-этажа, и три года назад в ней было сорок человек, а теперь четырнадцать. Она консультировала по «миграции на постквантовые стандарты» — продавала будущее тем немногим, кто соглашался платить сегодня за катастрофу, которой, как все были уверены, не случится при их сроке полномочий.

Когда-то у неё была другая работа. Когда-то она стояла перед комиссией и говорила слова «криптографически релевантный квантовый компьютер», и «горизонт пять-семь лет», и «стоимость перехода ничтожна по сравнению со стоимостью бездействия», и люди в комнате слушали её так, как слушают человека, который без спросу испортил хорошее утро. Один из них, её директор, Холлис, потом сказал ей в коридоре — не зло, даже сочувственно: «Майя, никто

не спорит, что ты права. Просто ты права слишком рано. А правота слишком рано неотличима от ошибки по бюджету».

Она помнила ту комнату до сих пор: длинный стол, запотевший графин, человека в третьем ряду, не отрывавшегося от телефона всё время, пока она говорила, что когда-нибудь телефону в его руке нельзя будет верить. Она принесла графики — она всегда приносила графики. Кривая стоимости перехода, плоская и скучная, ползла по низу. Кривая стоимости бездействия взмывала вертикально вверх и обрывалась там, где у графиков кончается воздух. «Вот здесь, — сказала она тогда, ткнув карандашом в обрыв. — Мы не знаем дату. Мы знаем, что она есть». Кто-то спросил, не сгущает ли она краски. Кто-то всегда спрашивал, не сгущает ли она краски. Сгущать краски оказалось её профессией — единственной в мире, где ты прав ровно до того дня, когда быть правым уже поздно.

Бюджет закрыли. Программу — её программу, тревожную, дорогую, скучную программу про замену замков на дверях, в которые ещё никто не ломился, — свернули. Через год свернулся и её брак, по схожей причине: она была права слишком рано, слишком часто, и никогда не была дома, когда оказывалась права.

Сейчас она сидела за столом в полупустом зале, и гул серверной за стеной был ровным, и она в третий раз раскладывала на экране ту самую транзакцию, восемь цифр из блокнота лежали рядом, и она проверяла цепочку сертификатов

вручную, узел за узлом, потому что не могла иначе.

Корень был настоящий. Вот что не сходилось. Перевод был фальшивый — она точно знала, что не делала его, — но подписан он был так, будто прошёл через корневой удостоверяющий центр, которому доверяет половина мира. Подделать лист легко. Подделать ветку трудно. Подделать корень — невозможно, если только...

Она не закончила мысль. Мысль была слишком большая, чтобы думать её в полупустом офисе во вторник.

На стене висел экран с новостями без звука. Биржевые индексы. Лицо какого-то министра, говорящего что-то успокаивающее. Бегущая строка про сбои в платёжных системах «в ряде регионов», про которые представитель банка просил «не беспокоиться» и обещал «штатное восстановление к вечеру».

Майя смотрела на строку и грызла большой палец.

«В ряде регионов». Она открыла на другом экране карту — не новостную, профессиональную, ту, где специалисты по её ремеслу отмечали аномалии в работе удостоверяющих центров. Обычно карта была спокойной. Сейчас на ней зажигались точки. Не везде. Пока не везде. Но узор был знакомый — она видела этот узор на своих же слайдах три года назад, в разделе «как это будет выглядеть в первые часы». Тогда зал смотрел на неё с вежливой скукой.

Узор начинался с корней.

— Идёт по якорям доверия, — сказала она вслух, в пу-

стоту, и сама удивилась, что голос не дрогнул. — Не снизу. Сверху.

Если падает лист — обесценивается один сертификат. Если падает корень — обесцениваются одновременно все миллионы сертификатов под ним. Все двери с одним и тем же замком открываются одним и тем же поддельным ключом. И отозвать ничего нельзя, потому что отзыв сам подписан тем же корнем, который больше не значит ничего.

— Дима, — позвала она через зал. Молодой аналитик, один из четырнадцати оставшихся, поднял голову от своего экрана. — Посмотри на карту центров. Свежую. Прямо сейчас.

— Видел, — сказал Дима. — Платёжный сбой, провайдер уже извинился, обещают к утру. А что?

— Сбой провайдера так не выглядит, — сказала Майя. — Это идёт по корням. По якорям доверия. Сверху, а не снизу.

— Майя. — Он произнёс её имя с той самой интонацией — мягкой, чуть усталой, — которую она знала наизусть, потому что слышала её ото всех и всегда. Интонацией, какой говорят с человеком, который опять. — Не каждый сбой — это конец света. Иди домой, поздно.

Он вернулся к экрану. По статистике он был прав: почти каждый раз, когда кто-то кричит «корни падают», корни не падают. Майя двадцать лет прожила внутри этой статистики, на её невыгодном краю, и знала о ней единственное, чего не знал Дима, — что статистика верна вплоть до одного-един-

ственного раза, и этот раз до самого конца ничем не отличается от ложной тревоги.

Она написала Холлису. Старый контакт, три года молчания. «Это начинается? Скажи, что я ошибаюсь». Отправила. Подпись её сообщения ушла в сеть, где подписи перестали быть обещаниями.

Курсор моргал на слове «доставлено». Зелёная галочка.

Майя смотрела на своё отражение в тёмной части экрана — женщина за сорок, обкусанный палец у рта, блокнот под локтем — и впервые за три года ей не было горько от того, что она оказалась права.

Ей было страшно.

Звонок пришёл в 21:14. Холлис. Через три года.

— Майя, — сказал голос Холлиса. — Слушай меня внимательно. Это управляемо. Мы локализуем.

И холодок под рёбрами стал льдом, потому что это был его голос, его манера, его «слушай меня внимательно», которым он начинал каждое совещание, — и она не могла, не имела теперь никакого способа узнать, он ли это.

Часть 2. Порог

— Откуда мне знать, что это ты, — сказала Майя.

В трубке была короткая тишина, и в этой тишине Майя услышала, как человек на той стороне — или то, что выдавало себя за человека, — понимает, что она права, и понимает, что доказать ничего не может.

— Это глупо, — сказал голос Холлиса. — Мы двадцать лет работали вместе. Ты знаешь мой голос.

— Я знаю, как звучит твой голос, — сказала Майя. — Это не одно и то же. Уже не одно и то же. Ты сам этому меня учил, Хол. Только ты учил это как теорию.

И это было самое выворачивающее: голос был его. Чуть глуше от усталости, с той же привычкой ронять слово к концу фразы, с тем же дыханием. Двадцать лет она слышала этот голос через стол, через дверь кабинета, через сотни совещаний. Тело узнавало его и тянулось поверить — и именно тело надо было теперь остановить. Потому что узнавание было ровно тем чувством, которое сегодня ночью по всему городу убивало людей.

— Майя. — Голос дрогнул, и дрожь была убедительная, и убедительность ничего не значила. — У нас мало времени. Программа достигла масштаба. Это не должно было выйти наружу, мы планировали контролируемое раскрытие, узкое, по конкретным целям, чужим системам, мы были уверены,

что можем нацелить...

— Нельзя нацелить, — сказала Майя, и собственный голос показался ей чужим, ровным, как у диктора. — Доверие нельзя сломать у одних и оставить у других. Корень либо подделываем, либо нет. Вы показали, что подделываем. Всё. Этого хватило. — Она закрыла глаза. — Вы взломали один замок, чтобы доказать, что умеете, и этим обесценили все замки в мире, потому что замок-то был один на всех.

— Мы это исправим.

— Чем вы это подпишете? — спросила Майя. — Чем вы подпишете приказ «всё в порядке», чтобы ему поверили? Своей подписью? Её теперь может поставить кто угодно. — Она почти засмеялась, и смех был страшный. — Вы отрезали ветку, на которой сидит способ сообщить, что ветка цела.

Молчание в трубке. Потом голос Холлиса — усталый, человеческий, может быть, настоящий, теперь уже навсегда «может быть»:

— Майя. Ты была права. Я звоню, чтобы это сказать. Ты была права тогда, и нам нужны люди, которые понимают, что происходит, нужна ты, приезжай в...

— Откуда мне знать, что это ты, — повторила Майя тихо, и это был уже не вопрос к нему. Это был вопрос ко всему, что осталось от мира. — Прощай, Хол. Если это ты — прости. Если не ты — тем более.

Она положила трубку и осталась стоять в тёмной кухне своей пустой квартиры, с одним включённым экраном,

на котором беззвучно множились окна: банк, новости, мессенджер, карта аномалий, вспыхнувшая уже почти сплошь. Правота, которой она ждала три года, пришла наконец и оказалась именно тем, чем была всегда, — способностью точно назвать, что именно мы теряем, и полным бессилием это остановить.

Где-то за окном завывала первая сирена.

К полуночи город ещё стоял, но стоял он, как стоит человек, которому уже сообщили диагноз, а он ещё не сел.

Свет горел. Вода шла. Электричество, вода, механика — всё это работало само, держалось на физике, а не на подписи, и Майя, мерявшая шагами кухню с телефоном в руке, цеплялась за эту мысль как за поручень. Катастрофа была не тьмы. Тьму бы поняли. Тьма понятна, у тьмы есть фонарик, у тьмы есть «починят к утру». Эта катастрофа была другой породы. Из мира исчезла не энергия. Из мира исчезла проверяемость.

Она видела это по экрану, как врач видит болезнь по анализам. Платежи замерли — не потому что денег не стало, а потому что банк больше не мог отличить твоё распоряжение от чужого, и поэтому не верил никакому. Переводы, которых никто не делал, проходили с идеальными подписями. Магазины переставали принимать карты. Биржи, открытые на других континентах, сходили с ума: цена есть, а кто её

назначил — неизвестно, сделка есть, а подлинна ли она — недоказуемо.

И на экранах — Майя переключала каналы и чувствовала, как немеет затылок, — начали говорить лица. Министр успокаивал. Через минуту другой канал, другой министр, тот же министр успокаивал противоположное. Дипфейки были всегда, годами, к ним привыкли, их научились опровергать — была подпись, был механизм, доказывавший, настоящая ли трансляция. Механизм сломался. Теперь нельзя было опровергнуть ничего. Любое лицо могло сказать что угодно, и не существовало больше способа доказать, что оно этого не говорило.

За стеной, у соседей, тоже не спали: глухо, на повышенных тонах, спорили два голоса, он и она, и Майя без слов знала, о чём. О том же, о чём спорил сейчас весь город у каждого экрана: верить или не верить. Чьему-то переводу, чьему-то приказу, чьему-то лицу. Внизу, на улице, хлопнула дверца, взвыла и захлебнулась сигнализация, кто-то побежал — звук бегущих в ночи ног, ни от кого и ни к кому. Город ещё не понял, что с ним стряслось. Он чувствовал только, что земля под ним перестала держать, и пробовал её на ощупь, как пробуют ногой подтаявший лёд, и лёд отвечал треском со всех сторон сразу.

Майя выключила экран. В тёмном стекле осталось её отражение, и она поймала себя на том, что и ему не доверяет. Телефон в руке дёрнулся. Сообщение. От Дэна.

«всё ок ника спит у соседки сахар ровно не волнуйся завтра заберу»

Майя смотрела на эти слова очень долго.

Это было правильно. Это было ровно то, что Дэн написал бы. И всё-таки что-то было не так. Не сразу — а потом разом, холодным уколом: Дэн всегда ставил точку в конце. Всегда. Десять лет переписки, тысячи сообщений, врачебная аккуратность — он ставил точку даже в «ок.». Здесь точки не было.

Или он спешил между пациентами. Или у него садился телефон. Или кто-то — что-то — собравшее из тысяч его прежних сообщений модель того, как пишет Дэн Райс, не заметило одной точки на тысячу.

Она не знала. В этом всё и было. Она больше не знала и не могла узнать.

Майя набрала его номер. Гудки. Длинные, потом занято. Набрала ещё. «Абонент недоступен» — голосом, который тоже мог быть каким угодно. Написала: «позвони мне голосом прямо сейчас». Отправила. Зелёная галочка. Доставлено. Кому доставлено?

Она села на пол кухни, спиной к шкафу, и заставила себя думать ясно, как думала о чужих шифрах, — холодно, по шагам.

Шаг. Помпа Ники подписывает команды собственным сертификатом и проверяет подписи насоса и сенсора. Сертификаты выпущены под корнем производителя. Корень про-

изводителя — под корнем, которому доверяет операционная система. Эти корни сейчас падают по всему миру, она видела узор.

Шаг. Помпа Ники сегодня утром показала «стабильно сорок четыре», когда в крови был сорок один и падение. Тогда она списала это на обычную погрешность сенсора. Теперь — она достала блокнот, открыла на восьмизначном числе, перечитала своё же утреннее «зачем-то записала» — теперь она знала, что это могло быть первым касанием. Данные, которым доверяет машина на бедре её ребёнка, перестали быть надёжными.

Шаг. Если данные отравлены, помпа будет «доверять» им. Будет дозировать по лжи. Сенсор скажет «высоко» — помпа вколет инсулин. Если сенсор солжёт «высоко», когда низко...

Майя встала так резко, что потемнело в глазах.

Больница. Дэн на ночной смене в приёмном покое, в больнице, где сейчас, в эту минуту, дозировочные системы получают назначения, подписанные подписями, которые больше ничего не подтверждают. Где капельницы, инфузоматы и аптечные автоматы доверяют электронной карте, а карта доверяет корню, а корень мёртв. Это касалось не Ники — это касалось всех разом, каждого пациента под каждой капельницей в каждой палате: поток назначений, которым больше нельзя верить, шёл по всем сразу, безличный, как наводнение, не выбирающий, чьего ребёнка топить первым. И именно безличность была страшнее любого умысла. Не злодей це-

лился в её дочь — сама система, которой доверяли все, превращалась в слепую машину, исполняющую любую ложь с одинаковой зелёной галочкой. Ника спала у соседки в двух кварталах от этой больницы, с помпой на бедре, и помпа считала дозу по данным, которым нельзя было верить, и Майя — единственная в этом городе, кто понимал это прямо сейчас, в полночь, — сидела на полу собственной кухни в восьми километрах оттуда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.